

Иван Гобзев

ДВА РАССКАЗА

НОВАЯ МОДЕЛЬ

Поступила новая модель — XXX-10. Прямоугольная, совершенно черная. Такая же, как и все предыдущие, лично я никакой разницы не вижу. Но на презентации исполнительный директор, конечно, говорит о том, какие удивительные новшества она имеет. Он ходит по сцене вокруг модели перед сотнями журналистов, крутит ее, вертит, демонстрирует опции и, конечно, шутит.

Честно — ничего принципиально нового в ней нет. Да, модернизирована начинка, более высокий класс вибрации, засасывания, увеличена скорость отдачи и усовершенствована тактильность, чтобы ощущения, как говорится в рекламе, были «те самые». Но они и так те самые последние лет пять. Все эти обновления человек уже не способен заметить, ему что тактильность уровня 24, что уровня 16 — все едино, он не различит.

И с особо притягательной улыбкой, которая показывает, что сейчас будет сказано что-то важное, директор заявил:

— Количество оттенков серого увеличено на двести пятьдесят шесть тысяч!

Боже мой, я тут чуть не рассмеялась. Как будто кто-то в состоянии их распознать. Но справедливости ради сказать надо — поверхность XXX-10 и в самом деле выглядит чуть иначе. Она блестит, как черный бриллиант, а если приглядеться, то заметно, что она вся в мелких-мелких пупырышках. Не могу понять, в чем дело, но эти пупырышки завораживают, и возникает нестерпимое желание их потрогать.

— Усовершенствована опция распознавания владельца, — говорит он, подходит вплотную к модели и ловкими отработанными движениями поглаживает ее корпус в определенном месте.

Ничего не происходит.

Он поглаживает снова, но опять ничего не происходит, и по залу прокатывается негромкий смех. Директор тоже усмехается, но без всякого смущения.

— Она не хочет меня! — замечает он, быстро поворачиваясь к журналистам.

Раздается взрыв хохота.

Закатывают другую модель, эту увозят. Теперь у него все получается. Крышка раскрывается, и выдвигаются коммуникационные элементы. Директор отскакивает с деланным испугом.

— Как трудно устоять! — снова шутит он.

Журналисты смеются.

Хотя продажи начнутся только через три недели, к основному дилерскому центру, куда новая модель поступит в первую очередь, уже выстраивается очередь. Люди занимают места, чтобы жить в этой очереди три недели. Они будут здесь спать, есть и справлять нужду — в ближайших кафе. Понятно, что вот эти вот первые занявшие, скорее всего не собираются покупать ХХХ-10. У них просто нет таких денег. Он стоит, чтобы потом продать свои места в очереди другим, тем, у кого деньги есть. Сложно сказать, сколько потребуют, но в случае прошлой модели цены за места в начале очереди доходили до двухсот тысяч. Разумеется, есть и такие среди уже занявших, кто эту модель купит. Это спекулянты. Потом они ее перепродадут — в полтора, два раза дороже.

Можно подумать, что для себя или в подарок близким покупают только богатые. Но самое забавное, что большая часть покупателей — среднего достатка. Модель рассчитана на массовый спрос. Чтобы позволить себе это удовольствие, люди берут огромные кредиты и расплачиваются потом всю жизнь. Они попадают в долговое рабство. А ведь и обслуживание модели тоже стоит немалых денег.

Директор легким движением толкает демонстрационный экземпляр, и он начинает плавно крутиться вокруг своей оси. И тут вся его бриллиантовая красота раскрывается в полной мере, он как будто образует сферу, и она сверкает, переливается, вспыхивает всевозможными огнями. Она вызывает настойчивые ассоциации из детства. Я вскоре понимаю, что это за ассоциации — модель напоминает нарядную елку в новогоднюю ночь, когда она завораживающе горит в полутьме. Разумеется, это не случайный эффект, создатели все это продумали. И как бы подтверждая мою догадку, директор говорит:

— Хотя дети не смогут использовать ХХХ-10 по назначению, они смогут ею любоваться.

Он отступает на два шага и указывает раскрытой ладонью на модель, улыбаясь в зал.

— Не правда ли, эстетичное зрелище?

Правда, киваю я. Только все эти модели — одинаковые. Что у вас, что у других производителей. У всех почти в точности одно и то же: черное и прямоугольное! Ну хоть какое-то разнообразие, ну какие-нибудь цветные вставки, полосы, выступающие детали, хоть что-то новое! Но нет! Каждая очередная модель, вокруг которой столько шума, оказывается двойником предыдущей. Ну ладно, отличия, конечно, есть. Да только они все внутри и не очень-то оригинальны.

Самое странное, что всех все устраивает. Всем нравятся эти модели. И они будут выпускаться и продаваться, пока нравятся. Тут все ясно, есть спрос, будет и предложение.

Но неужели я одна такая, кому они кажутся ужасно страшными и однообразными? У меня мелькает неприятная мысль, которая посещала меня уже и раньше, что дело не в моделях, а во мне. Это я устарела и не меняюсь, и поэтому не способна оценить все их совершенство.

— Может быть, может быть, — говорю я вслух.

— Еще как! — улыбается мне сосед, думая, видимо, что я комментирую презентацию.

По его глазам, тому, как он улыбнулся, как обернулся ко мне, я сразу безошибочно определяю, что он надеется подклеиться ко мне. В кроссовках, пиджаке, джинсах и квадратных очках в толстой черной оправе — типичный редактор второсортного интернет-издания. Больные эти мужчины, все-таки. Всегда, в любой ситуации, в любом месте они думают только об одном.

— Они восхитительна! — сладко, полузакрытыми глазами глядя на модель, добавляет он.

Тут я понимаю, что ему нет до меня никакого дела и что рядом с моделью я для него — пустое место. Мне становится немного обидно.

И вдруг я понимаю: а ведь директор еще ни слова не сказал, какая эта модель — мужская или женская. Выглядят-то они все одинаково, но, судя по коммуникационным элементам, я могу предположить, что это девочка. Но не факт, подробности разглядеть не удалось. Директор молодец, сохраняет интригу.

Когда все это началось, первые модели, поступившие на рынок, были человекообразны. Точнее даже, они выглядели в точности, как люди. И я испытываю ностальгию по тем временам. Производители пытались имитировать натуральную кожу, блеск глаз, сочность губ и, конечно, движения. Были, как всегда, и дешевые китайские подделки, их можно

было заказать на али-экспресс за цену раза в два ниже рыночной. Но и разочарованию покупателя потом не было границ.

Помню, как я шла из школы однажды, и мне под ноги свалилась модель. Звон битого стекла, мощный шмяк, крик — я сначала решила, что из окна выпал человек. Но кричала не она, а мужчина в окне. В майке на лямках, он высунулся и орал на упавшую, и лицо его было красным от ярости.

— Дешевая китайская сука, сдохни, сдохни!

А она упала так нелепо — на колени и лоб, и совершала теперь странные движения, взад-вперед, взад-вперед. Только кисти рук сломались и скальп частично слез, поэтому выглядело все это жутко.

Я расплакалась от шока и испуга. Хозяин ее вышел через минуту в этой же майке и трусах до колен, протянул мне шоколадку, схватил под мышку модель и уволок к себе, по пути крепко стукнув головой о железную дверь подъезда. «Милый», — нежным голосом сказала она, продолжая дрыгаться.

Я пошла дальше и вдруг слышу опять — шмяк! Оглядываюсь резко: а там букет цветов на тротуаре. И вот я до сих пор, когда вспоминаю эту историю, думаю: неужели он своей китайской модели цветы дарил?

В общем, было хорошее качество, было и плохое. Но хорошие производители, соревнуясь друг с другом, старались делать лучше и каждый по-своему. Некоторые за основу брали известных голливудских актеров, некоторые образы живописи Эпохи Возрождения, другие воссоздавали персонажей из фантастических фильмов.

Это было искусство. Производитель считал делом чести создать нечто необычное, такое, чего у других еще не было и, само собой, отличного качества. Разнообразие было поразительное. Вот тебе Венера Милосская (правда, с руками, по понятной причине), вот Венера Боттичелли, а вот Венера Урбинская, выбирай, какую хочешь.

Хочешь Давида, а хочешь Голиафа, нет проблем. Хочется чего-то экзотического? Пожалуйста: инопланетянки, русалки, кентавры.

В те удивительные времена заговорили о новом Ренессансе. Изобразительное искусство получило стимул с неожиданной стороны. На моих глазах зарождалось то, что должно было стать классикой.

Но период классики прошел очень быстро, и наступил модерн. Так всегда бывает — найдется кто-то, кто нарисует черный квадрат. Но самое главное, что найдутся те, кто будет им восхищаться.

Одна корпорация, которая раньше занималась в основном разработкой космических технологий, вдруг заявила о выходе на рынок сексуальных роботов. X-Technology. Никто не верил в их успех, но произошло чудо —

всего через пару месяцев все уже хотели покупать только их модель. Она называлась XXX-1. Черный глянецвый куб с сенсорной поверхностью. То есть модель вообще не походила на человека. Более того, мужские и женские модели выглядели совершенно одинаково, различия становились ясны только в функционале. Тем не менее, желали ее все.

Через несколько лет конкуренты XXX разорились. Выжили те, кто стал тоже делать черные сенсорные кубы. Сразу появились новые китайские производители, которые делали, по сути, ту же самую XXX, только дешевле.

Но X-Technology всегда была на шаг впереди: едва все стали имитировать их кубы (с небольшими вариациями вроде острых или сглаженных углов), как появилась очередная модель — XXX-5. Она была не квадратной, а вытянутой прямоугольной за счет сокращения толщины вдвое. Это вызвало фурор.

Лично я совершенно не понимаю, почему это было воспринято, как какое-то колоссальное нововведение. По мне, что квадрат, что прямоугольник — все одно. Они одинаковы. Но потребители посчитали иначе. И не только рядовые потребители — премьер-министр одной страны купил эту модель и ежедневно, совершая рабочие поездки на своем геликоптере, брал ее с собой. Разумеется, он не был женат.

В дальнейшем модернизация шла по пути утончения моделей, повышения эффективности функций и улучшения начинки. Программный код был открытым, и все желающие, кто в достаточной мере владел языками программирования, мог разрабатывать свои приложения.

Сейчас все пришло к тому, что модель превратилась в мультитул. Она даже предусматривает эффект погружения в виртуальное пространство, где возможна симуляция эротического опыта в различных культурах и в различные эпохи. Это позиционируется как такой дружественный шаг в сторону тех, кто ностальгирует по классике. А на деле — последний удар по конкурентам.

— Ну, а теперь самое главное! — повысив голос, многозначительно говорит исполнительный.

Все затихают, и я тоже вновь включаю внимание. Мы заинтригованы, что и понятно — вроде бы он все уже рассказал, а тут появляется что-то главное. Хотя я уверена, что это очередной маркетинговый ход, ведь очевидно, что ничего нового придумать просто уже нельзя. О чем он там не успел еще сказать? Кажется, про ролевые игры ничего не было. Ну, точно...

Но нет, он объявил совершенно другое:

— Впервые в мире мы представляем одновременно мужскую и женскую модель! Два в одном, мечты Платона сбылись! Перед вами — андрогин!

По залу прокатился вздох изумления, многие повскакали с мест и стали яростно фотографировать, хотя и так уже понаделали фоток больше некуда. С места закричали — у журналистов сразу появилась куча вопросов. Еще бы, это действительно сногшибательная новость! Есть такие события в истории, после которых говорят: мир уже никогда не будет прежним, так вот это, похоже, тот самый случай. Я судорожно выхватила из сумки блокнот, ручку и стала быстро писать, стараясь ничего не пропустить во все нарастающем гуле.

РАБОТА НА ЦЕРЕРЕ

— Как мама-то? — спрашивает.

Он облысевший, с квадратным животом, как будто в него вставили куб, лицо толстое, красные щеки и шея свисают. Я недоумеваю — как же люди меняются с возрастом! В последний раз я его видела, когда мне было лет двенадцать-тринадцать, у нас в гостях. Он приходил к отцу, и они занимались какими-то делами. Он мне нравился — знаменитый красивый мужчина с милой улыбкой, которая немного меня смущала. И вот он сидит теперь напротив, прошло всего лет десять, а его почти не узнать. Глазки заплыли, опухший, и кажется, что каждая пора видна, прямо луна в кратерах.

— Нормально, — отвечаю я.

Не понимаю, к чему он про маму. Он знает, что она его ненавидела и считала виноватым в ее семейных несчастьях. Она даже запретила ему появляться на похоронах отца. Я-то его ни в чем не обвиняю, ведь моя мама не любила всех друзей и родственников папы. Во всем, что папа сделал ей плохого, она обвиняла их. Она сама мне с гордостью рассказывала, как однажды, когда незадолго перед смертью отца его брат приехал издалека его навестить, она устроила истерику и бросала ему в лицо его же ботинки. Он мне потом, кстати, позвонил и сказал, что хотя ему очень жаль мою маму, но ей нужно к психиатру. Это, думаю, в самом деле так.

— Мы с твоим отцом очень дружили, жаль, что я не попал на похороны... — говорит он и смотрит на меня.

Да уж я знаю, что дружили, иначе стала бы я с тобой встречаться. Я улыбаюсь вежливо и молча отпиваю кофе. Он в курсе, зачем я пришла.

Атмосфера унылая, такое ощущение, что мы встретились на похоронах. В кафе тишина, безлюдно, только где-то стучит оконная рама. За большим стеклом совсем пасмурно, и дождь то ли идет, то ли нет. Словно Земля умерла — в который раз думается мне.

— Я могу тебе помочь, — наконец говорит он. Но таким тоном, как будто я должна об этом пожалеть. — Правда, я не уверен, что это то, чего ты на самом деле ждешь.

Ну вот, начинаются нравоучения с высоты опыта прожитых лет, как же без этого.

Он один из немногих, кто поступил в свое время в Университет Млечного пути. Он был в первой пятерке претендентов на обучение — и это среди всех жителей Земли. Хотя он занимал только пятое место, повезло именно ему. Тут действительно счастливый случай.

Вундеркинд, который стоял на первом месте, на следующий день после оглашения результатов выбросился из окна. Впрочем, и так было известно, что у него не все дома и его, несмотря на победу, вряд ли отправят учиться. Я помню его фото: бледное лицо, уголок губы слева опущен, очки с толстыми стеклами на резинке. Да, вместо дужек — резинки, белые, с продольными полосками. Мама тогда посмотрела на это фото и сказала: «Он же придурак. Его нельзя отправлять, он всех нас опозорит!»

На втором месте была девушка девятнадцати лет. Одаренная, как говорили, во всем. Она потрясающе владела математикой суперструн, предложила рабочую модификацию теории квантовой гравитации, победила на международном конкурсе композиторов электронной музыки. Но ее страстью был рок. И когда ей сообщили, что она полетит в Университет, она вдруг отказалась.

— Нет, — твердо сказала она корреспонденту. — Никуда я не поеду. Я останусь здесь и буду заниматься своим делом — петь.

После этого она больше не давала интервью, уединилась в загородном доме и там устраивала домашние концерты для своих приятелей — по большей части алкоголиков и наркоманов. Лет десять назад в новостях сообщили, что она умерла. Вроде как во время белой горячки. Еще две версии — передозировка наркотиками и утонула в ванной.

Третий претендент (боже, я даже помню его имя!) — китаец Ли Хао Ян. Гроссмейстер, чемпион мира по стрельбе из лука и сильнейший химик — он, несмотря на возраст, получил в числе прочих Нобелевскую премию за открытие в области химии. В сети можно и сейчас найти то видео: с краю стоит он, похожий на школьника, с широкой улыбкой,

и держит в руках букет роз, рядом с ним трое других лауреатов — маститые седые ученые.

И что же? Несчастный случай — во время дружеского матча по стрельбе из лука, его подстрелил какой-то начинающий спортсмен. Правда, в том деле много темных пятен — проведенное спустя годы журналистское расследование показало, что обвиняемый никаким образом не мог попасть из той позиции, в которой он находился. И якобы стрела, извлеченная из черепа гения, имела другую маркировку — не из колчана стрелка.

Четвертый претендент — гениальный уроженец Зимбабве с внешностью голливудского актера. Совершенно не помню, чем он там прославился. Он всем очень нравился — его часто показывали по телевизору, он постоянно улыбался и жал всем руки, слегка кланяясь. Он давал остроумные интервью, и моя мама очень смеялась.

— Ну, — говорила она, — слава богу, от нас полетит не придурак! Жаль, только черный.

Она немного расистка. Но не серьезная, а так, с легкими предрассудками. Она думает, что темный цвет кожи — это недостаток, в котором сам человек не повинен. Вроде как кара божья.

— У каждого свой крест, доченька.

Короче, с ним тоже произошла ужасно неприятная история. Во время одного из публичных интервью, когда папарацци поймали его у выхода с какой-то светской вечеринки, сквозь толпу пробился маньяк и всадил в него нож. Он ухитрился сделать это тринадцать раз. Весь мир облетели кадры: юный гений лежит на ковровой дорожке на боку, прикрыв правой ногой левую и сложив руки под щекой. Если бы не лужа крови, можно было бы подумать, что он просто решил отдохнуть.

И вот мы дошли до папиного друга. Будучи пятым, он стал первым. Когда-то он был самым известным человеком на Земле. А теперь он сидит напротив меня в потертых сальных джинсах, сбитых кроссовках и затасканной куртке. Чем он был так хорош? Это я помню: он побеждал во всех значимых естественнонаучных олимпиадах своего времени. И занял единственное вакантное место для землян в Университете Млечного пути.

«Чего он тянет?» — думаю я, и в голове мелькают неприятные предположения.

В Универсе его результаты были не блестящими. Учился он чуть ли не хуже всех и еле дотянул до конца основной курс обучения — на вторую ступень не пошел, а получив диплом, устроился агентом по трудоустройству. Теперь он один из немногих посредников, которые подбирают рабочий

персонал для обслуживания инопланетной станции на орбите Цереры, где собственно и находится Университет. И я считаю, что, учитывая его дружбу с моим отцом, он должен мне помочь.

Тут я замечаю, что рука, которую он держит на столе, дрожит. Мелко стучит по столешнице. Наверное, пьет.

Когда он прилетел на Землю на первые каникулы, его было не узнать. Растерянный, бледный. В космопорту его встречали сотни журналистов.

— Скажите, пожалуйста, чем объясняются ваши низкие оценки по всем предметам?

Не останавливаясь, он хмуро буркнул:

— Вы даже не представляете, что это значит — учиться там...

Видимо, в самом деле сложно было, потому что хуже него учился только один студент — какой-то гуманоид из Альфа-центавра. Говорят, кстати, мы и они — которые из Альфа-центавра — дальние родственники. Ну, да не важно.

Утомленная молчанием, я задаю дурацкий вопрос:

— А как они выглядят-то, инопланетяне, хозяева станции? Их не показывают по телевизору.

Я что-то слышала об этом уже, но ничего определенного.

— Никак, — без улыбки отвечает он и пристально смотрит на меня свинными глазками. — Они никак не выглядят.

— То есть вы хотите сказать, что никогда их не видели?

— Нет, не это. Их никто никогда не видел. Я хочу сказать именно то, что сказал — они никак не выглядят.

Я чувствую в его словах раздражение. Но я тоже начинаю злиться.

— А как же вы работаете с ними?

— Да вот так вот.

— Так может, их нет на самом деле? Может, это выдумка? Заговор, все такое...

— Нет. Они есть.

Люди, думаю я, перенимают привычки своего окружения. Возможно, поэтому он такой странный в плане общения... Как он там у себя на работе разговаривает с ними? Получает уведомления на мобильник? Или телепатия? Я не решаюсь спрашивать.

И тут я вдруг говорю, глядя в окно:

— Мне кажется, Земля умирает.

Он кивает и наконец, словно только и ждал этой кодовой фразы, переходит к делу.

— Знаешь, тебе там не понравится работать. Это совсем, совсем не классно. Точнее, тебе понравится и будет очень хорошо. Но на самом деле ужасно плохо.

Я с удивлением смотрю на него. Он сам понимает, что сказал?

— Я бы все-таки попробовала,— говорю я с вежливой улыбкой, которая должна дать ему понять, что я не нуждаюсь в нравоучениях.

— Попробовала, ха! — усмехается он.— Обратного пути нет.

Я понимаю, о чем он. Лететь далеко, поэтому контракты заключаются не менее чем на десять лет. И пока еще никто не захотел вернуться назад. В сети полно видео, где земляне, которым повезло устроиться, рассказывают о своей работе на станции. Они просто счастливы, они сияют, они первое время только и делают, что ходят с мобильниками по огромной станции и делают селфи. Там есть цветущие сады, реки, водопады, тренажерные залы, игровые комнаты, совершенно поразительные аттракционы (например, зал без гравитации), имитация солнца и пляжа у бассейна размером с большое озеро, там есть музей с самыми значимыми технологиями Вселенной, даже есть магазины, бары и рестораны. И, конечно, другие люди — все улыбающиеся и счастливые.

— Вот уж точно по Земле я скучать не буду,— говорю я, догадываясь, к чему он клонит.

Да, он старый, обрюзгший, во всем разочаровался, потерял веру в себя. Это часто так бывает, и кто знает, не стану ли я сама такой же? Но сейчас-то я молода и полна воли к жизни! Я смотрю на него с жалостью, как бы говоря: я все понимаю...

Но он отвечает совершенно неожиданно:

— Это точно, скучать ты не будешь.

Я вижу, что он занервничал. Бегает взглядом по столу, шмыгает, гоняет губы по щекам. Потом говорит:

— Я не могу тебе отказать, хотя и хотел бы. Иначе меня уволят.

От радости я не могу сдержать улыбку, которая сразу открывает, что мне нет дела до его проблем. Значит, вдруг понимаю я, он и ни при чем! Резюме, которые я два года посылала в агентство, не пропали даром, и меня взяли!

Но тут я снова начинаю злиться. Так вот оно что, выходит, он сам должен был со мной связаться, но почему-то не делал этого! Если бы я ему не написала с просьбой о встрече, то так бы и не узнала, что они хотят меня взять... Скотина.

Я смотрю в его маленькие уклоняющиеся глазки и думаю: ничего, я напишу куда следует про твоё отношение к работе! Тебя выбросят прямо с орбиты!

— Ладно, — говорит он. — Вот тут кое-что для тебя.

Он достаёт белую бумажную папку, с одного края которой вылезают негативы большого формата — похоже на результаты рентгена, и кладёт её на стол передо мной.

— Посмотри на досуге. Только вот просьба — никто больше не должен это видеть и никому не рассказывать. Иначе... — Он задумался, повертел пальцами перед лицом и продолжил с усмешкой: — Иначе у меня будут проблемы. Мягко говоря!

Тут он резко поднялся, чуть не опрокинув стол квадратным животом, сказал «Чао» и быстро направился к выходу. И я впервые (в детстве, конечно, не обращала внимание) заметила его непропорциональность и непривлекательность — огромный зад, ноги крестиком, ручки на животе. Да, большие таланты они часто такие — с изюминкой.

Внезапно я поняла, что он не заплатил за кофе. От удивления я некоторое время сижу неподвижно с чашкой у губ. Это что-то новенькое. Права была мама, думаю я.

Наконец я открываю папку. Достаю негативы. Ничего, разумеется не видно, ну что ещё можно было ждать от него! Не удивлюсь, если это окажутся снимки его челюстей, флюорография или ещё что-то в это роде. Надеюсь, хоть не половые органы... «Возможно, он рассчитывает на финансовую помощь?!» — пронзила меня внезапная догадка. Я поднимаю первый снимок так, чтобы он оказался под светом лампы.

Что-то вроде койки без ножек. На ней обнажённый человек, кажется, без волос. Прямо из живота торчат толстые трубки, другие, потоньше, похожие на электрические провода, тянутся из других частей тела. Больше всего из головы. Выглядит, как реанимация.

— А у друга моего папы, — вздыхаю я, — кажется, не все в порядке с головой.

Беру второй снимок. Там то же самое, только у человека на голове есть волосы. Но, приглядевшись, понимаю, что это не волосы — у него снята часть черепа, и я вижу мозги. Мне становится дурно.

Я бегло просматриваю остальные снимки — везде одно и то же: пустое помещение, койка, на ней голый человек, истыканный трубками и проводами.

Удивительно, но все же в этих диких фотографиях мне чудится что-то знакомое. Я никак не могу понять, что. Я беру их снова и снова, вглядыва-

юсь, пытаюсь разобраться, но в кафе слишком мало света. Мне приходит в голову отличная мысль — яркий свет есть в туалете!

Схватив папку, я бегу в туалет, забыв сумочку с кошельком, планшетом и телефоном. Но ладно, кто возьмет, тут никого нет. В туалетной кабинке и правда очень светло. Положив стопку на бачок, я достаю снимки по одному и подношу к самой лампе. Так действительно видно лучше, вырисовываются детали. Теперь я замечаю кое-что новое — у некоторых на груди то ли шрамы, то ли глубокие прорезы. Кроме того, я вижу, как и откуда именно выходят трубки и провода, и у меня сводит челюсти и схватывает в животе — как будто они собираются проникнуть и в меня. Но не это, конечно, кажется мне знакомым.

И тут, приглядевшись к лицам, я наконец понимаю, что. Они все улыбаются. Нежной, застывшей улыбкой, загадочной и блаженной. Вначале они кажутся из-за этой улыбки довольными, но если задержать на ней взгляд, то она рассеивается, и уже не поймешь — то ли это улыбка, то ли свет так падает, то ли уголки губ просто приподняты.

Ну, конечно — Мона Лиза Леонардо да Винчи. Она улыбается точно так же, таинственно и неопределенно. Но дело не только в ней, было что-то еще, и я, кажется, догадываюсь, что.

Я возвращаюсь в зал, сажусь за свой столик, достаю из сумочки планшет и ищу рекламное видео Университета.

— Все в порядке? — спрашивает официант.

Я смотрю на него с недоумением. Что это за фамильярность? Потом догадываюсь, что, должно быть, я выгляжу как-то тревожно. Я улыбаюсь ему сдержанно и отвечаю:

— Да. А у вас?

Он смущается и уходит. Вот так вот, все очень просто с этими мужиками. Они сразу теряют всю нахрапистость, если вести себя уверенно. Но хорошо, что он подошел — это позволило мне взять себя в руки. Успокоившись, я легко нахожу нужное видео, благо их много.

Вот они, вожделенные необъятные просторы Станции. Белые столбы улетают вверх, теряясь в высоте, сводов не видно, но говорят, что там летают и поют птицы. Вон сад с тропическими растениями, там пляж, море и имитация солнца. Тренажерные залы, магазины. Аллея с деревьями — совсем как настоящая. Улица, бары, рестораны, вечерние огни. И, о Господи, ночной дождь... Я проматываю — как ни завораживает это зрелище, мне нужны люди. Нахожу — те же самые интерьеры, но теперь с людьми, они ходят, стоят по одиночке с планшетами, беседуют в груп-

пах. Я нажимаю на паузу в месте, где одновременно в кадре оказывается сразу много людей.

Так и есть, теперь я понимаю, что мне показалось знакомым на тех фото, помимо картины Леонардо! Они все, все эти обитатели станции улыбаются вот этой самой блаженной улыбкой, одной и той же на всех. Это представляется мне настолько странным, что никакое рациональное объяснение в голову не приходит. Я снимаю видео с паузы и смотрю дальше. Теперь мне начинает казаться подозрительным и все остальное. Какие-то слишком уж аккуратные у всех прически, как будто это не собственные волосы, а парики. Далее, обувь. У всех мужчин, если хорошенько приглядеться, одна и та же модель. У женщин другая, но тоже одна на всех. Трое молодых людей в очках. Только очки в точности одинаковые.

Я делаю скриншоты в тех местах видео, где большие скопления людей и сохраняю в отдельную папку, чтобы потом рассмотреть в увеличении.

— Будете что-нибудь еще?

Опять официант. Только теперь он выглядит холодным и вроде бы даже враждебным. Он, видимо, намекает на расчет.

Мне сейчас не до препирательств с ним, и я заказываю еще кофе. Его появление отвлекает меня от планшета, и я задумываюсь о словах папиного друга про то, что оттуда никто не возвращался. Да, я знала это и раньше. Но зачем возвращаться оттуда, где так хорошо? Да и летать туда-сюда долго, в самом лучшем случае — полгода в одну сторону.

Станция — это целый город. Я бы даже сказала — целый мир. А что здесь? За окнами кафе клубится серый сумрак, и кажется, что запах жженой пластмассы проникает даже сюда. В городе жить уже давно невозможно. А за городом — не на что. Да и здесь тоже не особенно разгуляешься, в тридцать-сорок рак легких и эмфизема в порядке вещей.

На месте разберусь. Я в любом случае туда полечу, мне тут терять нечего. Я закрываю окна с видео и отодвигаю планшет. Но все же несколько сохраненных на рабочем столе фотографий привлекают мое внимание. Я тыкаю наугад в одну из них, чувствуя нарастающее раздражение к самой себе.

Вот сидят двое в разных углах просторного помещения. Они читают книги. Между ними сложная композиция из людей, предметов, колонн и клумб. Тут только я понимаю, что еще меня во всем этом смущало — я замечаю удивительную симметричность, как будто постановочность происходящего. Хотя на первый взгляд картина разрозненная, все занимают разными вещами и расположены в разных местах, в целом композиция

оказывается строго гармоничной. Как на полотнах лучших художников Возрождения. Особенно эти двое с книгами — хотя они и в разных позах, и на разных уровнях, именно они замыкают изображение в единое целое. Так умелая рука художника размещает фигуры в пространстве, следуя законам перспективы и другим классическим принципам изобразительного искусства.

Я увеличиваю изображение и обнаруживаю то, что и ожидала, — эти двое читают одну и ту же книгу. Во всяком случае обе книги одинакового формата и цвета. А вот такой ляп, думаю я, приличный художник себе не позволил бы.

Я открываю другие скриншоты. Повсюду одно и то же — как будто спланированные сцены. И чем внимательнее я приглядываюсь, тем больше косяков я замечаю. Вон один из троицы с очками — он тянется к дужке, чтобы то ли поправить их, то ли снять, и поэтому видна его ладонь. При хорошем увеличении становится видно, что ладонь его совершенно гладкая, без единой морщинки. Или вот девушка. Очень красивая, я всегда хотела быть такой. Стройная, с подчеркнутой грудью, спортивными ногами, волосы убраны в хвост, в ушах большие кольца. Загорелая, с улыбкой Моны Лизы. Все вроде бы в порядке, но внизу, с ее босоножками явно что-то не так. Приблизив, я сразу понимаю, что — у нее просто отсутствуют мизинцы. Ладно, если бы один, это можно было еще списать на какой-то несчастный случай, но нет обоих.

Я резко отодвигаю планшет, мне становится нехорошо. Возможно, из-за сопутствующих образов: разглядывая этих людей, я невольно воображаю их голыми на койках с проводами и в шрамах. Я представляю себя в таком же виде: без волос, грудь распорота, мозги наружу и эта вот ужасная улыбка. Приступ тошноты подкатывает так сильно, что выделяется слюна, и я хватаю салфетку.

Официант смотрит на меня с тревогой. Что он думает? Больная, наркоманка, есть ли у меня деньги, и как меня выпроводить?..

Вздрагивает смартфон, и я дергаюсь вместе с ним. Отчего-то мне становится страшно.

Но я беру и отвечаю — звонит отцовский друг. Голос у него узнаваемый, но странно звонкий и дребезжащий, как будто прерывается сигнал. Он говорит быстро:

— Я тебе по ошибке не ту папку дал! Там снимки из госпиталя для пострадавших в результате ЧП на Церере, делали для страховщика. В общем,

если ты не передумала, то жду завтра в офисе с полным комплектом документов в двенадцать. Чао!

Я не успеваю ответить, он уже отключился. Его звонок не успокаивает меня, а даже наоборот, усиливает мой страх. Но вдруг совершенно отчетливо и ясно я осознаю, что полечу. В любом случае, какой бы ни оказалась правда.

